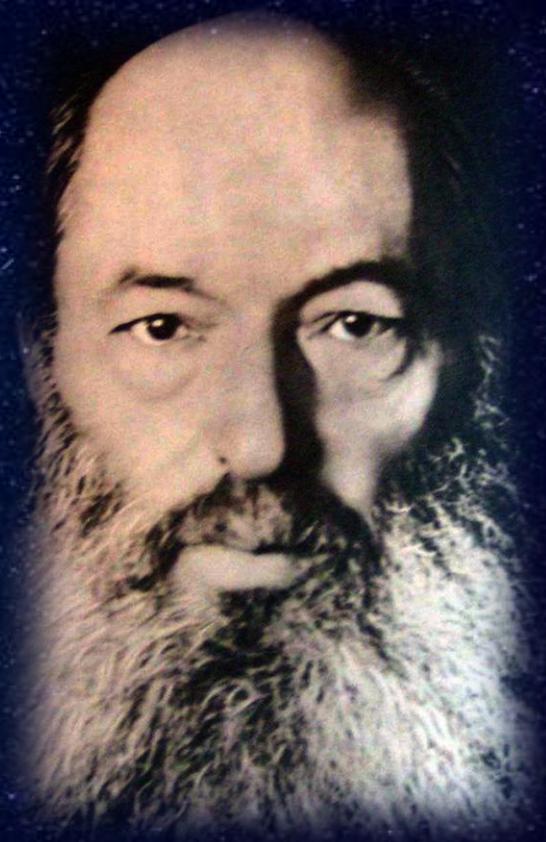

*«И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность
И пламя твое узнаю, солнце мира.*

*И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мирозданья курится,
В его дыму, как в творческих грёзах,
Вся сила дрожит и вся вечность снится.»*

Фет Афанасий Афанасьевич
1820 - 1892

Жизнь Афанасия Афанасьевича Фета, великого русского поэта, освещена каким-то таинственным светом.

За краткой, как сдержанный вздох, фамилией Фет – много неразгаданных тайн: загадки его рождения и происхождения, любви и трагической гибели его возлюбленной, секрет неизменного чувства к ней до последних дней жизни поэта.

На его могиле в селе Клеймёново Орловской области значится фамилия Фет-Шеншин.

Двойная фамилия, раздвоившаяся судьба: поэт, философ и помещик, рачительный хозяин нескольких имений; бедняк и богач; безродный иностранец-разночинец и знатный русский дворянин; проникновенный лирик и уездный мировой судья; влюблённый, до конца дней своих сердцем преданный погибшей от любви к нему девушке, и муж своей супруги в безлюбовном браке. И всё это – тоже Фет.

Кто-то считает, что он родился в октябре, другие – в ноябре 1820 года. Кто-то считает его немцем, другие находят в нём еврейские корни, третьи утверждают, что он русский.

Наверное, уже не будет написана документально точная биография Афанасия Фета, потому что он, видимо, сам этого не желал:

*«В душе, измученной годами,
Есть неприступный чистый храм,
Где все нетленно, что судьбами
В отраду посылалось нам.*

*Для мира путь к нему заглохнет;
Но в этот девственный тайник,
Хотя б и мог, скорей иссохнет,
Чем путь укажет мой язык».*

Афанасий Фет сам установил дату своего рождения – 23 ноября (по метрическому свидетельству – 23 декабря) 1820 года. Он хотел, чтобы дата его рождения совпадала с датой рождения Фёдора Ивановича Тютчева, которого он боготворил.

И национальную принадлежность он тоже определил сам:

*«Я русский, я люблю молчанье дали мразной,
Под пологом снегов как смерть однообразной,
Леса под шапками иль в инее седом,
Да речку звонкую под тёмно-синим льдом».*

Фет – глубоко русский поэт.

Он родился в Мценском районе Орловской области, в имении Новосёлки, куда осенью 1820 года из далёкой Германии владелец этих земель, 44-летний орловский помещик Афанасий Неофитович Шеншин привёз 22-летнюю Шарлотту Фёт. В Германии она оставила мужа, маленькую дочь и старика отца, принеся всё в жертву своей безумной страсти.

Кто был отцом Фета: немецкий ли Фёт или русский дворянин Шеншин, – до сих пор остаётся загадкой.

Эту тайну унесла с собой в могилу его мать, Шарлотта Фёт, в крещении Елизавета Петровна, рано ушедшая из жизни.

В 1834 году орловские губернские власти вследствие какого-то доноса стали наводить справки о рождении Афанасия и браке его родителей. Шеншин отвез Афанасия в лифляндский городок Верро (ныне эстонский Выру) и стал хлопотать перед немецкими родственниками Шарлотты о признании мальчика сыном умершего ассессора Иоганна Фёта. Хотя Иоганн ранее не признавал его своим сыном, согласие родственников было получено.

И русский столбовой дворянин Афанасий Шеншин превратился в Афанасия Фёта, иностранного подданного.

С потерей знатного дворянского имени он утратил все права состояния, наследования имущества и земли. Наступила социальная и имущественная неопределённость.

Мальчик воспринял это как несмыаемый позор, бросающий тень на него и его мать. Он решил, во что бы то ни стало, любой ценой вернуть себе фамилию Шеншин, вернуть себе дворянство.

В 1838 году Фет подаёт прошение в Московский университет и подписывается так: «К сему прошению иностранец Фёт руку приложил».

Аполлон Григорьев

В университете он познакомился и близко сошелся с Аполлоном Григорьевым, а вскоре переселился в дом Григорьевых на Малой Полянке, где провёл почти все свои студенческие годы.

Аполлон Григорьев сумел собрать вокруг себя талантливую молодёжь: поэта Якова Полонского, будущего историка Сергея Соловьёва, знаменитого впоследствии юриста Каверина. В этом кругу царили поэзия, философия, молодое веселье.

За годы, проведённые в университете, Фет подготовил и выпустил свою первую книгу стихов «Лирический пантеон». В результате ошибки наборщика в третий раз изменилась его фамилия: в ней буква «ё» превратилась в "е". И поэт из Фёта превращается в Фета.

После окончания словесного отделения философского факультета Московского университета Фет неожиданно круто меняет свою судьбу: поступает на военную службу.

В те годы только военная служба могла вернуть ему дворянский титул: права потомственного дворянства давал первый обер-офицерский чин. И Фет поступил в кирасирский полк, рассчитывая уже через полгода стать офицером.

«Никого кругом. И толчётся вокруг меня люд, который, пророни я одно только слово, осмеял бы это слово», - писал Фет.

«За исключением немногих честолубцев и карьеристов, все офицеры несли службу как принудительную, неприятную, опротивевшую барщину, томясь ею и не любя ее». (Куприн «Поединок»)

Он ещё продолжал писать и печатать стихи, но его литературная деятельность в новых условиях всё более ослабевала. Свою службу в армии он сравнивал с грязной лужей, в которой нравственно и физически тонул. Однако во имя поставленной цели Фет терпел это всё целых восемь лет.

Но именно в эти годы случилось одно из самых ярких событий в его жизни. Он встретил свою первую и последнюю любовь.

Её звали Мария Лазич.

Летом 1848 года кирасирский полк, где служил Фет, был расквартирован на границе Киевской и Херсонской губерний.

Однообразие служебных будней скрашивало только знакомство с местными помещиками. Образованные дворяне знали Фета не только как офицера, но и ценили как поэта. Его приглашали на балы и любительские спектакли.

Позднее он вспоминал: *«Такое настойчивое приглашение не могло не быть лестно для заброшенного в дальний край одинокого бедного юноши».*

Мария была дочерью отставного кавалерийского генерала сербского происхождения К. Лазича – сподвижника Суворова и Багратиона. Отставной генерал был небогат и обременён семейством. Мария – его дочь – была бесприданницей, разделявшей все хозяйственные хлопоты и воспитательные заботы отца.

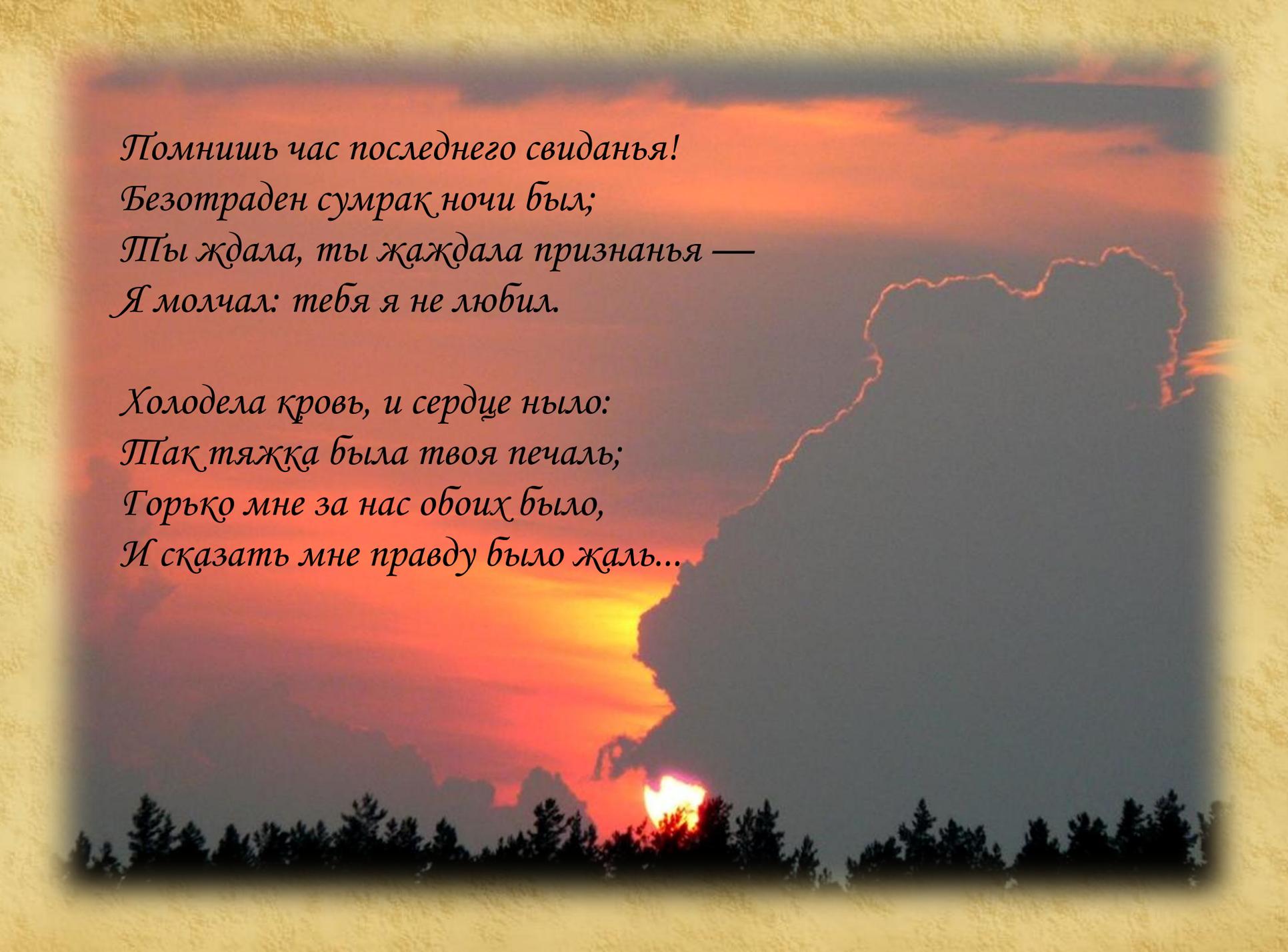
К моменту знакомства с Фетом ей было 24 года, ему – 28 лет. Поэт безошибочно признал в ней родственную душу. «Я ждал женщины, которая поймёт меня, – и дождался её», – писал он своему другу детства Ивану Петровичу Борисову.

Казалось, ничто не должно было помешать их счастливой любви. Но в июне 1849 года Фет пишет: «Я встретил существо, которое люблю и глубоко уважаю... Но у ней ничего, и у меня ничего. Вот тема, которую я развиваю, и вследствие которой я ни с места».

В июне 1850 года он пишет тому же Борисову: «О моей сердечной комедии молчу. Право, нечего и сказать, так это избито и истёрто». И в июле 1850 года он уже ставит окончательную точку: «Я не женюсь на Лазич, и она это знает».

Некоторое время спустя Мария Лазич погибла из-за трагической случайности.

Как позднее признался Фет: «Я виноват; я не взял в расчет женской природы и полагал, что сердце женщины, так ясно понимающей неумолимые условия жизни, способно покориться обстоятельствам. Не думаю, чтобы самая томительная скорбь в настоящем давала нам право идти к неизбежному горю всей остальной жизни».

*Помнишь час последнего свиданья!
Безотраден сумрак ночи был;
Ты ждала, ты жаждала признанья —
Я молчал: тебя я не любил.*

*Холодела кровь, и сердце ныло:
Так тяжка была твоя печаль;
Горько мне за нас обоих было,
И сказать мне правду было жаль...*

«Итак, что же — жениться — значит приморозить хвост в Крылове и выставить спину под всевозможные мелкие удары самолюбия. Расчету нет, любви нет, и благородства сделать несчастье того и другой я особенно не вижу».

Он, конечно, не хотел сделать несчастной ту, которую сильно любил, но женившись при ограниченных средствах, он еще меньше имел шансов выбраться из кромешного ада бесперспективной провинциальной армейской жизни.

Как заметила по этому поводу Т. А. Кузминская, долгие годы знавшая Фета, «он всегда помнил себя прежде всего. Практическое и духовное в нем было одинаково сильно».

Особенно тяжелым было для Фета начало 1857 года. Сходит с ума его сестра Наденька.

Вышел Императорский указ, по которому звание потомственного дворянина давал лишь чин полковника.

Фет взял годовой отпуск и уехал за границу. После возвращения он вышел в отставку и переехал в Москву, так и не получив желанного дворянства.

Фет с грустью смотрел в свое будущее: «Итак, мой идеальный мир разрушен давно. Что ж прикажете делать. Служить вечным адъютантом — хуже самого худа — ищу хозяйку, с которой буду жить, не понимая друг друга».

16 августа 1857 года в Париже Афанасий Афанасьевич Фет женится на богатой девице 28 лет — Марии Петровне Боткиной. Она была некрасива, но добрейшая женщина и замечательная хозяйка. К тому же она была богата.

Перед свадьбой жених и невеста обменялись тяжелыми признаниями: он раскрыл ей тайну своего рождения (скрыв, правда, историю своей несчастной любви), она — тайну своей любви, отданной другому: у нее был сын.

Марья Петровна и Фет вскоре купили имение и приобрели рояль. Афанасий Афанасьевич любил музицировать вечерами.

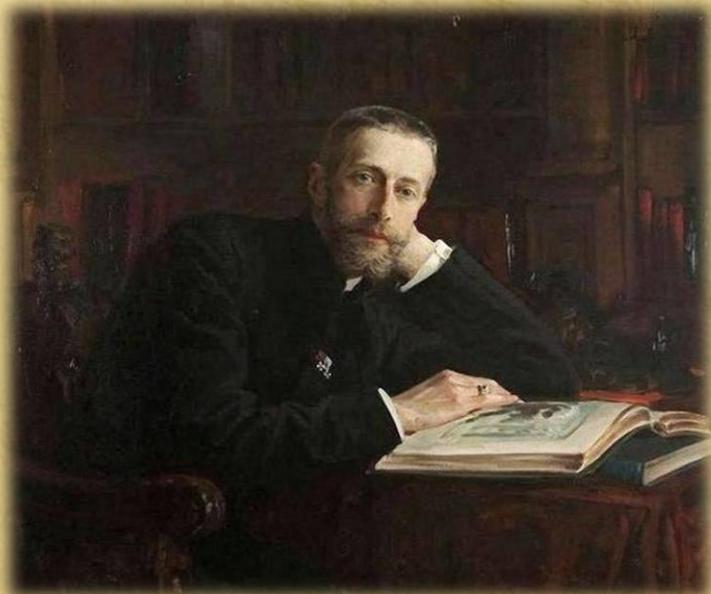
Фет стал рачительным хозяином... Он не без гордости писал армейскому другу: «Тогда я был бедняком офицером, полковым адъютантом, а теперь, слава Богу, орловский, курский и воронежский помещик, коннозаводчик и живу в прекрасном имении с великолепной усадьбой и парком. Все это приобрел усиленным трудом, а не мошенничеством, и на этот счет я покоен».

Фет находился в зените поэтической славы, окруженный заботами Марии Петровны. Знакомые отмечали, что их отношения ровны, семейная жизнь спокойна и счастлива. Они были хорошей супружеской парой и дом их всегда отличался необыкновенным хлебосольством.

Дом Фета на Плющихе

В дневнике Великого князя К.К. Романова имеется запись за 1866 год о посещении А. Фета: «Обедал и провел весь вечер у Шеншина (Фета). Смеркало, было морозно и уши щипало, когда я выехал сквозь Троицкие ворота из Кремля и неся в санях по Воздвиженке и Арбату на Плющиху. В конце ее неподалеку от Девичья Поля его дом, хорошо знакомый лишь по адресу. Я вошел. Маленькие низенькие комнаты, на окнах растения, повсюду цветут гиацинты — такая уютная обстановка для милых бездетных старичков... Разговор не умолкал ни на минуту.

Великий князь К. К. Романов

Я сразу заметил, что старички самые нежные супруги, он очень рассеян, и без старушки ему пришлось бы плохо. Она, кажется, только и живет что заботой и попечениями о нем. Время летело так быстро, мне было так хорошо у них, как будто я всю жизнь был знаком с ними. Он читал мне свои последние, мне еще незнакомые стихи. Пили чай, говорили, о чем только не говорили...»

В 1873 году 26 декабря вышел Указ Сената о присоединении А. А. Фета к роду Шеншиных. Чуть позже, благодаря протекции К. Р., он стал камергером.

25 октября 1890 года А. Фету пишет Я. П. Полонский: «Я по своей натуре более идеалист и даже фантазер, чем ты, но разве я или мое нутро может создать такой гимн неземной красоте, да еще в старости!..».

И как бы вторя Полонскому, удивленному поздней лирикой поэта, замечает Б. А. Садовский: «стихи, написанные им в 1892 году, в благоуханности и свежести не уступают прежним: фетовский гений сохранил свой первозданный блеск до последнего вздоха».

Фет увлекался философией Артура Шопенгауэра, ему принадлежит первый русский перевод фундаментального труда немецкого философа «Мир как воля и представление».

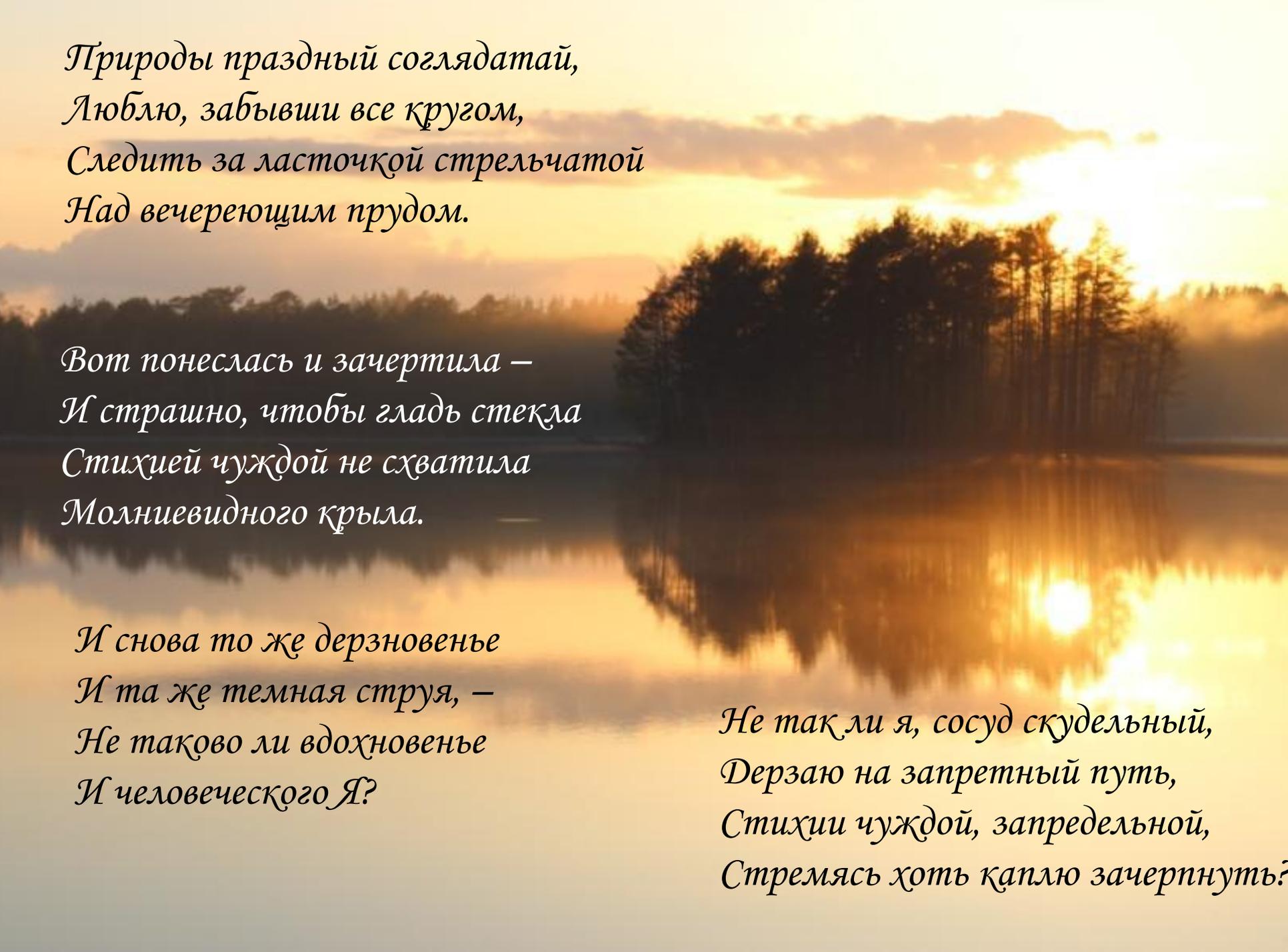
Самые задушевные лирические произведения Фета вызваны к жизни воспоминаниями о гибели любимой женщины. Поэт настолько глубоко переживал эту личную драму, что порой содержание стихов выходило далеко за пределы классической любовной лирики, приближаясь к визионерству.

«Странные прозрения» этого тайного эзотерика вызывают интерес. Из поэта-лирика он неожиданно превращается в удивительного философа–мистика, который видит «живой алтарь мироздания на огненных розах», в величественного трагического поэта.

«Ласточки» – блестящее стихотворение. Этот человек выходит вовне: в молитве ли, в медитации, в интуитивном прорыве, как сказали бы каббалисты, в созерцании небесных сфер. Человек хочет проникнуть в высшие сферы. И боится! Как, наверно, ласточка боится утонуть, но вместе с тем хочет коснуться воды.

Кому из нас не хотелось увидеть мир с небес? Или соединиться во время молитвы с некими высшими сущностями?

Вот об этом стихотворение: о вечном стремлении человека к иным стихиям, даже, может быть, для него смертельным, как вода для ласточки, но именно поэтому – таким желанным и зовущим.

*Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечеряющим прудом.*

*Вот понеслась и зачертила –
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.*

*И снова то же дерзновенье
И та же темная струя, –
Не таково ли вдохновенье
И человеческого Я?*

*Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?*

Здесь именно дерзновение! Попытка выйти за пределы, преодолеть людскую, общечеловеческую ограниченность.

Для нас мостом, который переводит через все проклятые вопросы, через ужасы человеческого существования, через ощущение трагичности бытия, служит, в том числе, и поэзия. Это один из тех мостов, которые переводят людей через бездну отчаяния и делают жизнь не такой страшной и трагичной, какой она могла бы нам показаться.

Потому что если выйти из рутины, люди начинают понимать, что жизнь бессмысленна. А мы только рутинной и спасаемся, вот эта «жизни мышья беготня», зачастую бессмысленная, затягивает, и мы живем ради нее самой.

Люди, которые вышли из круговерти жизни, понимают, как это все бессмысленно и глупо, но им тоже не хочется оставлять ее.

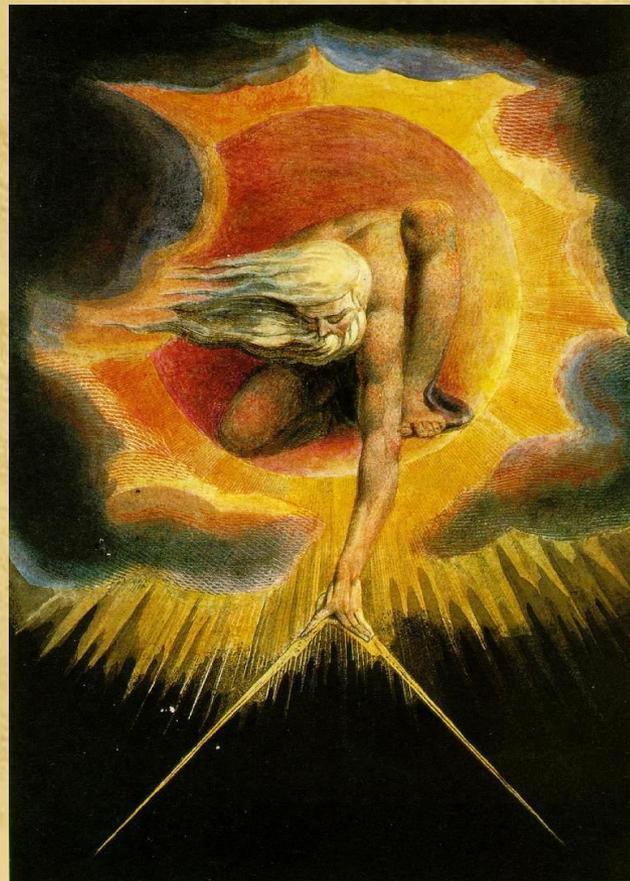
Вот в этом человеческом состоянии, тяжелом и трудном, может очень помочь великая Поэзия. Может быть, в этом одно из ее главных предназначений – не дать человеку впасть в отчаяние. Не дать страху, отчаянию побороть человека. Помочь нельзя, но помогать нужно. Поэзия не может помочь, но она помогает!

Смерти

*Я в жизни обмирал и чувство это знаю,
Где мукам всем конец и сладок томный хмель;
Вот почему я вас без страха ожидаю,
Ночь безрассветная и вечная постель!*

*Пусть головы моей рука твоя коснется
И ты сотрешь меня со списка бытия,
Но пред моим судом, покуда сердце бьется,
Мы силы равные, и торжествую я.*

*Еще ты каждый миг моей покорна воле,
Ты тень у ног моих, безличный призрак ты;
Покуда я дышу - ты мысль моя, не боле,
Игрушка шаткая тоскующей мечты.*

Часто космос у Фета "вырастает" из обыкновенного деревенского пейзажа. Поэт просто запрокидывает голову вверх, и над застывшими земными реалиями видит завораживающий и непостижимый мир бесчисленных звёзд. Это дыхание "спящей" Вселенной.

В поэтических сборниках поэт становится просто именем. Одна из интереснейших задач – разглядеть за строками живого человека. Не строку в хрестоматии, а живого человека – с его страстями, с его злобой и пороком, с его ненавистью, с надеждами, заблуждениями – очень интересная вещь! Все это делает поэзию такой несокрушимой и такой непреодолимой.

Когда читаешь талантливые строки, устоять невозможно, потому что человек говорит искренне, от всей души, а масштаб личности такой, что пробивает любые наши защиты, как снаряд огромного калибра пробивает любые стены. На этом проникающее действие поэзии, ее неотразимость и основаны.

Умер Афанасий Фет 21 ноября 1892 года, не дожив двух дней до 72 лет. Это была любовь, победившая смерть: «Нет, я не изменил — до старости глубокой я раб твоей любви...».

«Он пел, как в сумраке ночей
Поет влюбленный соловей.
Он гимны пел родной природе;
Он изливал всю душу ей
В строках рифмованных мелодий.

Он в мире грезы и мечты,
Любя игру лучей и тени,
Подметил беглые черты
Неуловимых ощущений,
Невоплотимой красоты...

И пусть он в старческие лета
Менял капризно имена
То публициста, то поэта, —
Искупят прозу Шеншина
Стихи пленительные Фета».

«Памяти Шеншина-Фета» Алексей Жемчужников, 1892